

Юлия Васильева

ВОЛШЕБСТВО ОБМАНА
МИЛЫЕ ЧУДОВИЩА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юлия Васильева

Милые чудовища

Фэнтези • Интриги • Юмор

Роман

Москва, 2022

«Издательство А.ЛЪФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 2011 году
Выпуск 712

Художник
О. Бабкин

Васильева Ю. С.

В19 Милые чудовища: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3457-2

Джентльмен может выйти на улицу без денег, но без зонта — никогда! Почему? Понаблюдайте за сэром Бенедиктом Брутом и узнаете...

Обаятельный, самоуверенный, циничный иностранец покажет все прелести работы криптозоолога, привьет любовь к магическим животным, научит, как обращаться с мошенниками всех мастей и не слишком нервировать полицию.

А помогут ему в этом милые чудовища!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Васильева Ю. С., 2022
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022

ISBN 978-5-9922-3457-2

Иннинг первого теста

По весне самки кроленей обрастают пушистым персиковым мехом и начинают источать особый аромат, напоминающий запах лесных ягод. За право обладать сердцем такой красавицы самцы борются друг с другом, не жалея рогов своих, оттого и треск стоит в английских лесах.

Из книги «Лесная дичь» Вилфа Лонграфла

Тест первый КРОЛЕНЬИ БЕГА

I

Для Анфисы Ксаверьевны Любчик эта история началась с предложения руки и сердца. И хотя многочисленные дамские романы приучают нас, что хорошие сюжеты должны таковой сценой скорее заканчиваться, хозяйка дома в Пекарском переулке прожила достаточно насыщенную жизнь, чтобы верить в них лишь до тех пор, пока не перевернута последняя страница.

Поэтому именно предложение руки и сердца побудило ее совершить поступок, который в другое, более спокойное время показался бы сущим безумством. Ведь, как известно, женщина, доведенная до отчаяния, может пойти на крайние меры. И в тот знаменательный день Анфису Ксаверьевну до отчаяния доводило мучительное признание Калины Ипатьевича Маслова в вечной и пламенной любви. Вид купца второй гильдии не наводил на мысли о чем-то вечном и уж тем более о чем-то пламенном, скорее уж о бренности всего живого и о том, насколько холодной выдалась нынешняя весна.

— Я, милая моя Анфиса Ксаверьевна, честно, токмо визитами к вам и спасаюсь... — низко-низко, словно притомившийся в полдень шмель, гудел норовивший встать на колено жених.

К несчастью, колено было больное, поэтому он тут же подсакивал, а через пять минут повторял сие упражнение, напроочь позабыв о предыдущих неудачах. Калина Ипатьевич был еще не дряхл, но все ж годков на десять постарше своей избранницы. Волосы, стриженные в кружок, отливали серебром, да и посреди самого кружка уже образовалось порядочное

озеро — того и гляди выйдет из берегов. Рубаху купец надел алую, праздничную, и сапоги хромовые, вот только не понять, что поскрипывает, хром этот или коленные суставы хозяина. В общем, шик, да не тот шик, которого Анфисе Ксаверьевне хотелось бы.

Сама она, несмотря на свой элегантный возраст, привлекательности отнюдь не утратила. Куда там, иной раз и студенты засматривались на эдакую импозантную барыню. Была наша героиня ладная и мягкая, округлая, где надо, и тонкая, где следует, со светлыми волосами, которые безо всяких женских ухищрений завивались колечками, и маленькой кокетливой родинкой под уголком правого глаза, придававшей почтенной вдове военного офицера несколько легкомысленный и игривый вид.

«Какая жалость, что Калина Ипатьевич дозрел до изъяснения своих чувств раньше, чем я придумала деликатный способ его отвалить, — с досадой размышляла она, прикидывая способ отказать таким образом, чтобы не прослыть слишком уж разборчивой невестой. — Было бы из чего выбирать, чтобы направо и налево разбрасываться такими вот Калинами Ипатьевичами».

Иногда, в особо трудные жизненные минуты, Анфиса Ксаверьевна мечтала переложить свои вдовьи тяготы на крепкие мужские плечи, но то ли плечи нынче пошли не те, то ли ей не везло — решиться, на чьи же именно, не представлялось никакой возможности.

Посему, пока гость неутомимо базил, словно большой колокол на соседнем соборе, хозяйка дома как бы смущенно прикрыла глаза, загадочно трепеща ресницами, а сама тем временем поглядывала на улицу, пытаясь подобрать слова для подходящего случаю ответа.

Купцу, старому знакомцу еще ее покойных родителей, следовало отказать, несмотря на денежные проблемы и сына-лицеиста, из-за беспокойства о судьбе которого эти проблемы, собственно, и возникли.

Неожиданно даже для самой себя Анфиса Ксаверьевна наткнулась на границу, до которой простиралась ее, казалось бы, безграничная материнская любовь. Впервые за несколько лет ей в голову пришла крамольная мысль, что дворянский лицей не так уж и нужен Матюше...

Хозяйка дома вздохнула и вновь посмотрела в окно...

Дворник Сильвестр подметал улицу, то и дело останавливаясь и прикладываясь к чему-то скрытно вытаскиваемому из кармана фартука, потом вдруг заметил отдернутую шторку во флигеле, и метла заходила туда-сюда в два раза быстрее. Видно, внимательный взгляд вдовы обладал гораздо большей энергией, нежели то, что находилось в кармане фартука.

Когда Калина Ипатьевич подобрался к середине своего признания и от расписывания бедствий, претерпеваемых им от семерых детей, и одинокой жизни состоятельного вдовца перешел к восхвалению достоинств своей избранницы, перед окнами остановилась новенькая лакированная коляска — судя по всему, возница решил уточнить дорогу у дворника. Только вот Сильвестр повел себя странно: вместо того чтобы дать подробные разъяснения (и медяк ведь не лишний!), вдруг сначала мелко закрестился сам, а затем закрестил и коляску, поминутно сплевывая через левое плечо.

Несколько уличных зевак замерли и с видимым интересом разглядывали содержимое экипажа. Анфиса Ксаверьевна тоже подвинулась ближе к окну, подозревая, что до сути своего выступления купец доберется еще нескоро. А из коляски тем временем выпрыгнула высокая, закутанная в черное фигура. Мелькнул атласный подклад, резной край плаща — словно летучая мышь крылом махнула.

Нет, зря она дурно думала о шике в исполнении Калины Ипатьевича, бывает и похуже...

Куда хуже... Хозяин коляски повернулся, и стал виден слегка старомодный цилиндр, черный костюм, черная рубашка, бриллиантовыми искрами сверкнула застежка на плаще. В руках незнакомец держал черный же зонт, хоть небо и стояло чистое, словно стеклышко, и этим-то зонтом бесцеремонно указывал в сторону дома, принадлежавшего Анфисе Ксаверьевне.

Дворник крестился.

Вдова и сама бы перекрестилась, но, с одной стороны, что подумает Калина Ипатьевич... а с другой — не уподобляться же пьянице Сильвестру.

Станный господин понял, что ничего, кроме церковных обрядов, от дворника не добьется (мужик, кажется, уже искал под рубахой нательный крест), самолично отворил калитку и решительным шагом длинных ног направился в сторону флигеля.

Анфиса Ксаверьевна замерла на минуту, прислушиваясь. Тяжелые уверенные шаги горничной Глаши.

Вон выставит или все же хозяйку позовет?

Девка была хоть и молодая, но глаз имела наметанный, с такой прислугой никакого охранника не надо.

— Анфиса Ксаверьевна, вас тут спрашивают, — понесся зычный Глашин голос, и хозяйка дома не без удовольствия подскочила с козетки, выдирая свою ручку из влажных купеческих лап.

— Ах, кто бы это мог быть? — беззаботно воскликнула она. — Подождите секунлочку, я скоро вернусь.

— Знамо кто. Пустозвон этот проклятый, выжига скалозубый, — пробурчал вслед васильковому подолу, в силу своей длины покинувшему гостиную последним, купец, не скупившийся на эпитеты для своего соперника. Да-да, соперника, ибо, как уже говорилось ранее, Анфиса Ксаверьевна была дамой хоть и небогатой, но не обделенной некоторыми неоспоримыми достоинствами.

Тем временем хозяйка дома с любопытством рассматривала своего невольного спасителя.

Костюм визитера был настолько примечателен, что, спроси через пять минут кто-нибудь Анфису Ксаверьевну или того же дворника Сильвестра, как выглядел мужчина, в него облаченный, оба затруднились бы с ответом. Вспомнили бы очки с цветными стеклами, но какого цвета были за ними глаза?

Плащ молодого мужчины держала причудливая фибула, изображавшая, судя по всему, василиска, причем ювелир, ее произведший, вряд ли испытал удовольствие личного общения с этим чудовищем и сильно вдохновлялся образом куриных лап, кои и приделал своему творению.

— Говорю тебе, это упырь... Как есть упырь! — Пронзительный голос Сильвестра, обращавшегося к уличному мальчишке, зачем-то отиравшемуся около коляски, с поразительной четкостью достиг крыльца, но, казалось, разбился о спину визитера, окутанного невозмутимостью не хуже, чем странным плащом.

— Очень приветливый район, — с легким акцентом заметил незнакомец, приподнимая шляпу. — Добрый день, мадам. Я по объявлению о сдаче дома. Разрешите представиться: Бенедикт Брут, сэр Бенедикт Брут.

Анфиса Ксаверьевна, рассмотревшая посетителя еще из окна, нисколько не утратила достоинства, полагавшегося серьезной домовладелице, и, сделав вид, что люди в костюмах летучей мыши заходят к ней буквально через день, а английские рыцари — через два, благожелательно откликнулась:

— Здравствуйте! Анфиса Ксаверьевна Любчик. Ну что же вы, проходите. Милости просим, — поспешила она заманить мужчину в дом, понимая, что в чужом присутствии Калина Ипатьевич не решится продолжить свой брачный ритуал. — Подождите секунду, я только возьму шаль и ключи от главного дома.

Оставив незнакомца под неусыпным оком Глафиры, Анфиса Ксаверьевна вернулась в комнату.

— Прошу меня простить, явился арендатор по объявлению, нужно показать ему дом, — чуть более радостно, чем следовало, воскликнула она, но тут же почувствовала за спиной постороннее присутствие.

— Не утруждайтесь, мадам, я и без того вижу, что он мне подходит. — Человек — летучая мышь впорхнул в комнату вслед за хозяйкой, будто и не слышал просьбы подождать.

За ним в проем сунулась смущенная Глаша.

— Анфиса Ксаверьевна, я им говорю — не велено. А они лезут и не по-нашему лопочут.

Сэр Бенедикт проигнорировал жалобы горничной так, будто и не было у нее замечательного грудного голоса, единственного во всем переулке способного противостоять зычным высказываниям дворника Сильвестра.

— А что у вас здесь? Кабинет? Вел, вери-вери вел¹. А там? Должно быть, гостевая спальня. — Иностранец с такой дерзостью рыскал по гостиной, что Анфиса Ксаверьевна и ее поклонник минуты две смотрели на него в немом удивлении, прежде чем хозяйка решилась наконец-то прояснить ситуацию.

— Боюсь, вы неправильно поняли... сэр. Сдается не этот дом, а большой, за зеленой изгородью.

Визитер не только не понял, но, кажется, еще и не желал ничего слушать.

— Ноу-ноу-ноу, мне все решительно нравится. Я возьму этот кабинет и спальню, гостиная и столовая пусть будут в общем пользовании. А верхние комнаты можете оставить себе, —

¹ Хорошо, очень-очень хорошо (англ.).

с непоколебимой уверенностью делил он чужую недвижность. — И, пожалуй, полный пансион — это как раз то, что мне нужно.

— Позвольте, сударь... — не выдержал наконец Калина Ипатьевич, ибо еще пять минут назад сам рассчитывал на полный пансион в исполнении Анфисы Ксаверьевны.

— Я не против соседей, если они чистоплотны, аккуратны и не держат мелких животных, — милостиво «позволил» сударь. — Личные вещи из этих комнат вам придется убрать, телеги с моей обстановкой уже в пути.

«Да он же сумасшедший!» — догадалась вдруг Анфиса Ксаверьевна. Теперь стал понятен и странный черный наряд — видно, смерть кого-то из близких родственников сильно ударила по психике незадачливого англичанина.

— Сочувствую вашей утрате, — скромно сказала женщина, рукой останавливая Калину Ипатьевича, готового ринуться на защиту своей будущей невесты.

— Моей утрате? — несказанно удивился иностранец.

— Такой глубокий траур, — хозяйка дома указала на одежду визитера, — носят только по близкому родственнику. Будет очень нетактично поинтересоваться, кого вы потеряли?

— Веру во все разумное человечество я потерял. И да, оно до какой-то степени со мной в родстве. — Губы англичанина изогнулись в коварной полуусмешке. — Представляете, мой бывший домовладелец сам, по собственной воле, отказался от ренты двести рублей в месяц, а теперь и вы не хотите сдать мне комнаты! Просто уму непостижимо!

Анфиса Ксаверьевна пару раз хлопнула прелестно изогнутыми ресницами и за два этих мгновения успела произвести в своей ладной головке некоторые нехитрые вычисления. По всему выходило, что комнаты нижнего этажа во флигеле были ей не так уж и нужны, примерно так же, как и ухаживания Калины Ипатьевича. Бедняга все еще мял в руках картуз, надеясь, что недоразумение вот-вот разрешится, но судьба его была уже предопределена. Хозяйка дома назначила «недоразумением» его, Калину Ипатьевича, а не этого невесть откуда взявшегося иностранцишку.

— А знаете... — ласково протянула вдова.

— Сэр Бенедикт, — подсказал человек в черном. — Но для вас, мадам, просто Бенедикт, коль скоро я собираюсь остановиться под вашей крышей.

— Анфиса Ксаверьевна. — Женщина с готовностью протянула новому жильцу ручку, которая так и не досталась купцу. — Знаете, Бенедикт, мне нравится ваше чувство юмора. Думаю, мы подружимся. Прикажите своим слугам перевозить вещи.

Похоже, такого комплимента новому жильцу не перепадало давно, потому что он запнулся, закашлялся, будто в горле у него слегка запершило, и немного сдержанно, но чего еще ждать от иностранца, сказал:

— Спасибо, Анфиса Ксаверьевна. Тогда я сейчас же пошлю мальчика. — Полы плаща снова взметнулись, и Брут полетел из дома вон, унося в клюве победу над несчастным Калиной Ипатьевичем.

— Я тоже, пожалуй, пойду, — сказал раздавленный купец второй гильдии. — Не буду мешать вашим хлопотам.

— Вы так чутки, мой друг, — взмахнула ресницами Анфиса Ксаверьевна, пытаясь сгладить неловкость и не выдать своей радости.

— Но я еще зайду! — с отчаянием воскликнул неудачливый ухажер. — Мне непременно надо договорить с вами наедине!

Домовладелица томно вздохнула, втайне проклиная себя за излишнюю мягкость.

II

— Убрать. Убрать, — только и командовал жилец, более пристально осматривая свое новое место обитания. Его одобрения не заслужили ни вышитые подушечки, ни даже прелестные шторы с фестончиками.

Хозяйка дома вместе с горничной безропотно снимала и прятала то, что можно было спрятать немедленно.

— Ох, Анфиса Ксаверьевна, матушка, — гулким басом зашептала Глафира, собирая с комода любовно вышитые розочками салфетки. — А вдруг тать какой али душегубец?

— Тать, Глаша, так принарядиться не додумался бы. Да и что с меня взять?

— Знамо что... им одно от нашего женского роду надобно.

— Не бойся, у меня револьвер еще от Феликса Рафаиловича остался, — успокоила ее храбрая домовладелица. — Уж как-нибудь отобьемся.

Первая телега с пожитками гонителя салфеточек, к удивлению обеих женщин, прибыла уже через десять минут, видно, оставлена была недалеко, да и собрана заранее.

— Где же вы собирались ночевать, если бы не нашли у меня комнат? — удивилась Анфиса Ксаверьевна.

— У ваших ворот, мадам, жалобно подвывая в ночи, — без запинки ответил сэр Бенедикт, но, увидев открывшийся от изумления ротик своей новой квартирной хозяйки, тут же попытался исправиться, что не вполне ему удалось: — В городе полно людей, которые любят деньги, часть из них даже держит гостиницы.

Анфиса Ксаверьевна нахмурилась, но готовящуюся отпоедь предотвратила чумазая детская мордочка, заглянувшая в окно. Впрочем, иностранец обрадовался ей как родной — выбежал в прихожую и, отворив входную дверь, радостно скомандовал:

— Мальчики, заносите!

— Ваши вещи переносят уличные мальчишки? Но, Бенедикт, это же небезопасно! — Домовладелица, конечно же, в первую очередь имела в виду свою собственную безопасность, но была не в пример деликатнее своего неожиданного жильца.

— Все в порядке, у меня не украдут. Один бой уже попытался, и ему не понравилось. — Зонтом, с которым так и не пожелал расстаться, англичанин указал на плутоватого мальчишку с перевязанной пониже локтя рукой. Постреленок гордо нес маленький скелетик невиданного существа, любовно закрепленный на лакированной подставке. — Эй ты, если попытаешься стащить у компсогната хоть одну косточку, я заменю ее твоей!

Пацан тут же прекратил свои манипуляции с диковиной и торжественно вручил хрупкую ношу хозяину.

— Вы ударили ребенка?! — ужаснулась трепетная мать, только что подозревавшая этих детей если не во всех, то в одном смертном грехе точно.

— Мэйби ай шуд ду соу...¹ Но после того, как он самостоятельно сунул руку в саквояж с хомяком-троглодитом, в этом не было никакого воспитательного смысла — хомячок справился сам.

¹ Возможно, следовало это сделать... (англ.)

Анфиса Ксаверьевна не поверила, поэтому, улучив момент, когда иностранец отвлекся, схватила мальчика за плечо и спросила:

— Скажи, тебя обижал этот господин?

— Нет, — повертел вихрастой головой постреленок.

— Ты уверен? — Вопрос для вдовы был животрепещущ: пусть сын ее, Матвей, и проводил почти все время в лицее, материнский инстинкт требовал исключить любую опасность.

— Сломайте мне уши, ежели вру, — с вызовом сказал мальчишка, уши которого по странному совпадению уже были слегка завернуты в трубочки, как у настоящего борца.

Анфиса Ксаверьевна ломать, конечно же, ничего не стала, но следила за этими ушами с неусыпной бдительностью — как бы руки, приделанные чуть пониже их, не прихватили лишнего из гостиной.

Руки на удивление вели себя примерно: вещи в дом вносили, но ничего не выносили. Такое взаимопонимание, установившееся между сэром Бенедиктом и его помощниками, не могло не радовать. По всему видать, человек приличный, хоть и с придурыю...

Придури той, кстати, оказалось не так уж мало, и она нескончаемым вещественным потоком хлынула в дом предприимчивой вдовы. Чего тут только не было: чьи-то бивни, чучела, биты для игры в крикет, загадочно звенящие ящики и даже микроскоп, — на все это домовладелица взирала со спокойствием.

И только вид когтистой лампы несколько поколебал стойкое намерение Анфисы Ксаверьевны не вмешиваться, поэтому она осмелилась высказать первое возражение:

— Но, Бенедикт, в гостиной уже есть прекрасная лампа, может, вы разместите этот... экземпляр в спальне?

— Вы же не ожидаете, что я буду заставлять своих посетителей ждать под абажуром с рюшами? Меня могут не так понимать.

— А когтистая лампа, конечно же, расскажет о вас всю правду, — усмехнулась вдова.

— По крайней мере, то, что я беру дорого и что со мной лучше не спорить, до клиента донесет.

— Погодите! Клиенты? Что за клиенты?

Но сэр Бенедикт уже не слышал.

— Так, чемоданы в спальню. Надеюсь, там не осталось ваших розовых чепцов, мадам?

Анфиса Ксаверьевна, не обращая внимания на выбор выражений нового жильца, многозначительно продемонстрировала пустые шкафы гостевой комнаты.

— Маловато, — резюмировал иностранец.

— Ваши сундуки вполне влезут.

— Это всего лишь предметы первой необходимости. Сейчас привезут воз с моим основным гардеробом.

— Вы ограбили костюмерную Лондонской оперы? — пошутила вдова, еще не зная, насколько точно попала в цель.

Сэр Бенедикт хитро прищурился и погрозил домовладелице пальцем:

— Уже чувствую, что мне будет у вас уютно. *Хоум, свит хоум!*¹ Это, *май дир*², *новейшая наука, маркетинг. До Князьгорода она пока не дошла.*

— Вы правы, Бенедикт, в Великороссии пока еще не придумали ничего, что могло бы объяснить ваш наряд, — серебристо засмеялась женщина. Пусть новый жилец хоть в клоуна рядится, лишь бы с оплатой не запаздывал.

— Ноу-ноу-ноу, Анфиса Ксаверьевна, итс э мэттер оф тайм³. Все очень просто. Чем больше я поражаю воображение людей, тем больше вызываю любопытства. Уверен, что скоро соседи спросят вас, кто я такой и чем занимаюсь. И вы им ответите...

— Мне и самой интересно, чем вы занимаетесь. Должно быть, этой новой наукой психологией, я читала в одном журнале...

— ...и вы им ответите с гордостью, что у вас поселился один из лучших криптозоологов в мире!

— Но если вы зоолог, почему тогда сказали, что вашим соседям нельзя держать мелких животных? — спросила Анфиса Ксаверьевна, еще не до конца понимая страшный смысл только что услышанного.

— Потому что крупные имеют дурную склонность их есть. Вот это поставьте сюда, — отвечал иностранец, не отрываясь от руководства переездом. — И я не зоолог, я криптозоолог.

— А это большая разница?

¹ Дом, милый дом! (англ.)

² Моя дорогая (англ.).

³ Нет-нет-нет... это дело времени (англ.).

— Гигантская. Вы скоро убедитесь, когда она, попрыгивая огнем и блестя чешуей, случайно заползет к вам в спальню. Книжки в кабинет вон к тому шкафу, — продолжал командовать мальчиками сэра Бенедикт, проявляя при этом недюжинный педагогический талант. — И если ты еще раз засунешь в рот чучелу мантикоры палец, то хоть зубы ей почисти, что ли, а то ж как сдохла от отравления, никто так и не удосужился.

— Зачем вы меня пугаете, хотите, чтобы и тут вам отказали от квартиры? — возмутилась домовладелица, которой одновременно не хотелось лишаться и покоя, и выгодного жильца, но женщина пока не решила, что ей все-таки дороже.

— Хочу подготовить вас к рискам, связанным с моей профессией.

Анфиса Ксавьерьевна обожгла его грозным взглядом, которого никак не ожидаешь от нежной блондинки, уперлась руками в бока и с мудростью, доступной немногим, решила проблему.

— Что ж, тогда и вы должны быть готовы к рискам, связанным с вашей профессией. За каждое животное, оказавшееся на втором этаже, на вас будет налагаться штраф в размере четверти суммы ежемесячной аренды.

— Мы так не договаривались! — отпрянул от нее Брут.

— Тогда самое время подписать договор.

Еще девчонкой Анфиса Ксавьерьевна (тогда-то просто Анфиска Сарафанова) была бойкой на язык и могла так заговорить праздно зашедшего в тятенькину лавку покупателя, что несчастный выходил из ее дверей с ненужной ему штукой шерстяной материи и рулоном кружев.

Именно там оборотистая девица и познакомилась с будущим мужем, офицером Феликсом Рафаиловичем Любчиком, и уболтала справного красавца настолько, что тот вместо материи на шинель унес и из лавки, и из купеческого сословия саму Анфису. Правда, когда стала она офицерской женой, тут уж пришлось молчать — не дай бог что-нибудь неуместное скажешь.

Сейчас чутье подсказывало домовладелице, что с сэром Бенедиктом, несмотря на его рыцарское звание, слишком церемониться — себе во вред, ибо из рыцарского в нем пока была замечена только приставка перед именем, ну и, пожалуй, странная тяга к драконам, которые теперь глядели со множеств

ва фотографий, наводнивших дом. Иностранец то ли понимал по-русски хуже, чем говорил, то ли, что гораздо вероятнее, мнил себя большим оригиналом.

Когда с составлением договора было покончено — а в этом деле Анфиса Ксаверьевна тоже разбиралась неплохо, не забыв и про возможную порчу имущества, и про другие виды урона, а также предусмотрительно прописав свое право на тишину после девяти вечера, — не обговоренным остался всего лишь один небольшой нюанс.

— Сколько с вами будет слуг? В доме одно помещение для прислуги при кухне и одно на чердаке, но, если понадобится, я могу забрать Глафиру на свой этаж.

— Вы думаете, я доверил свое имущество уличным мальчишкам потому, что забочусь о том, как бы не перетрутился мой камердинер? — почти натурально удивился Брут.

— Так что же... у вас совсем нет слуги? — не поверила Анфиса Ксаверьевна.

— Что значит «совсем»? Если его нет, то, конечно же, его нет целиком... хотя последний идиот ушел от меня не вполне целым, — задумчиво протянул иностранец. — Сегодня утром сбежал, бродяга. Переезд, знаете ли, дело не для слабонервных.

— А сколько он у вас прослужил?

Сэр Бенедикт возвел глаза к потолку, что-то напряженно высчитывая.

— Четыре дня и двенадцать часов.

— Вы серьезно? — Анфиса Ксаверьевна всплеснула руками.

— Согласен, этот малый шел на князьгородский рекорд, большинство и того не продержались, но упаковка хомячка-троглодита и потеря части мизинца его доконали. Можно подумать, мизинец у него один! Не беспокойтесь, я уже послал в агентство домашней прислуги новый запрос. Уже к вечеру мне пришлют кого-нибудь более ловкого... ну или чуть менее трепетно относящегося к собственным пальцам.

III

И действительно, буквально через час на пороге флигеля в Пекарском переулке появился долговязый молодец с франтовато повязанным на шее платком и, видно, оттого с крайне развязными манерами.

Анфиса Ксаверьевна немедленно провела его в комнату, уже вставшую на путь преобразования в кабинет криптозоолога, и застыла у входа, пытаясь понять, чем так запугивает своих камердинеров иностранец.

Со стороны казалось, сэр Бенедикт вел себя вполне сносно: обращался ко всей прислуге на «вы», считая, что тем самым воспитывает в ней чувство собственного достоинства. Правда, те же соображения нисколько не мешали ему ежесекундно оскорблять это свежевозникшее чувство. Но мало ли богатых самодуров в Князьгороде? И никто из них, между прочим, не страдал от отсутствия лакеев или горничных.

Присланный парень был странным: обладал каким-то неуловимо убегающим вдаль взглядом, через слово называл Брута «вашим благородием» и при каждом ответе кланялся, чем почти мгновенно столкнул криптозоолога в пучину сарказма.

— Бог забыл выдать вам позвоночник? — спросил иностранец. — Отчего вы так вихляете?

— От усердия-с, — заявил молодой человек и вновь поклонился.

— Лучше проявите его, распаковывая мой гардероб, — махнул рукой на слугу иностранец, отпуская.

— Жуковат для такого дела, — поставил свой диагноз доктор, когда за новым камердинером хлопнула дверь. — Хотите поспорить, скольких рубашек я потом недосчитаюсь?

— Мне кажется, вы слишком придирчивы, — укоризненно сказала Анфиса Ксаверьевна, думая про себя, что вряд ли даже самый жуковатый слуга на свете польститесь на безумный гардероб ее постояльца.

— Зато вы чересчур неразборчивы, май дир, не забывайте — утром я видел вашего кавалера, — не остался в долгу сэр Бенедикт.

— А я что-то не видела у вас жены или невесты, — парировала домовладелица и по тому, как скривился англичанин, поняла, что мяч был отбит удачно и теперь перевес по очкам на ее стороне.

Первое, что сделал жуковатый малый, выйдя из кабинета своего нового хозяина, был шлепок по внушительному тылу Глаши, подметавшей в коридоре сор, оставшийся после стремительного водворения криптозоолога. Посему самый краткий срок службы камердинера у сэра Бенедикта не составил и

пяти минут — ровно столько понадобилось горничной, чтобы отметелить наглеца веником так, что о выполнении им каких-либо обязанностей не могло быть и речи.

Вышедший на шум Брут посмотрел на раздурявшуюся от стараний девушку с уважением, а на поверженного кандидата в камердинеры — со злорадством.

— Айм соу сорри, дир Гласша...¹ кхм... Мне так жаль, что я принес в этот чистый дом столько грязи. Если не трудно, уберите в коридоре. — И сэр Бенедикт недвусмысленным взглядом указал на валяющегося на полу нахала.

— Та мне несложно, барин, — по-простому сказала Глафира, взяла поверженного за шиворот, тот только что на цыпочки не привстал (горничная была девка рослая, не всякому мужику дотянуться), да так и выкинула за порог.

Разбирать гардероб жильца, занимавший бесконечные сундуки и кофры, пришлось Анфисе Ксаверьевне и Глаше. Сам владелец сих несметных и по большей части черных богатств под предлогом сочинения запроса на нового кандидата в камердинеры участия в развлечении не принимал, лишь наблюдая за происходящим через открытую дверь в кабинет.

— Анфиса Ксаверьевна, даже если вы будете гипнотизировать этот жилет еще целый час, сам себя он в шкаф не уберет, — внезапно заметил иностранец, взглянув на застывшую домовладелицу поверх оранжевых очков.

Вдова смущенно повесила черный с вышитыми серебряной нитью дракончиками предмет гардероба, но уже следующий сюртук, словно костюм экзотической танцовщицы, обшитый по краю подрагивавшими от малейшего движения воздуха перьями, привел ее в новое замешательство.

— Кстати, мне нужно будет присмотреть себе в Князьгороде портного, — сообщил ей через проем Брут.

— Непременно, — медленно проговорила вдова, найдя в себе силы отвести взгляд от сюртука. — И я обязательно пойду с вами.

— Бойтесь, что он меня обманет и навяжет немодный костюм? — спросил иностранец, откладывая записку в сторону. Определить, шутит он или нет, по тону голоса было абсолютно невозможно.

¹ Очень сожалею, дорогая Глаша... (англ.)

— Скорее наоборот — что ему это не удастся. — Анфиса Ксаверьевна тем временем наткнулась на коллекцию очков, все они были одинаково круглыми, но со стеклами разного цвета: голубыми, зелеными, розовыми и фиолетовыми. Как ни странно, ни одних черных среди них не нашлось.

Бенедикт Брут между тем достал обычный докторский сак-вояз и, открыв его, с противоестественно милой улыбкой заглянул внутрь, проговорил что-то ласково, надел перчатки из толстой кожи и извлек на свет небольшого грызуна с богатой красно-коричневой шерсткой.

Домовладелица с горничной переглянулись.

— Это тот самый хомячок, который откусил вашему слуге палец? — осторожно спросила Анфиса Ксаверьевна.

— Ну уж не откусил... так, лишь попробовал, — кивнул Брут, пересаживая зверька в заранее приготовленный ящик, оснащенный лишь парой крохотных отверстий для внутренней вентиляции.

— А от чего вы его лечите? — Горничная подошла ближе и с любопытством заглянула в одну из дырок.

— От депрессии, Глафира, от депрессии.

— Неужели? — недоверчиво протянула Анфиса Ксаверьевна, много слышавшая о такой болезни, но подозревавшая, что все это выдумки не приставленной к делу публики. Не страдали неведомым недугом ни томные поэтические юноши и влюбленные в них гимназистки, ни тем более какой-то хомячок.

— Вы знаете, троглодиты обычно живут большими колониями в тесных норах в скальных породах...

— Так что же, это у него от одиночества?

— Ах ты, беденький, — тут же засюсюкала Глаша. — А давайте принесем ему хомячиху! Я в зоомагазине на углу видела, рыженькая такая, колесо крутит.

— Это можно, — одобрил Брут. — Та хомячиха как раз ему по размеру будет. Но вы недослушали... Троглодиты селятся кучно, чтобы справляться с большой добычей. А тут ему хозяин от щедрот русской души целую куриную ногу, да еще с бедром, сунул. Ну грыз он ее, грыз, день, два, а потом та испортилась... Вот и результат. А хомячиху можно, она маленькая, как раз ему будет.

Напряженную атмосферу, повисшую в комнате после этого заявления, разрядил высокий мальчик (еще не юноша, но уже и не ребенок), появившийся на пороге комнаты. При виде сэра

Бенедикта острое личико его вытянулось еще больше, взгляд голубых, как у матери, глаз стал оценивающе-цепким, вовсе не подходящим для воспитанника дворянского лица.

Сэр Бенедикт тоже замер и изучал сына домовладелицы, сдвинув круглые очки на нос.

— Здравствуйте, — сказала чадо, которое при ближайшем рассмотрении оказалось взъерошенным, с подозрительно припухшими глазами и розовым носом.

— Познакомьтесь, Бенедикт, это мой сын Матвей, — с превеличенной гордостью, будто ей выпала честь представить светило мировой науки, произнесла Анфиса Ксаверьевна. — Матюша стал одним из лучших по предварительным экзаменам, поэтому ему позволили несколько дней провести дома. Матюша, это сэр Бенедикт, я сдала ему комнаты.

— А где Маслов? — недружелюбно спросил подросток, поставив под сомнение результат своего экзамена по этикету.

— Ушел, Матюша, давно ушел.

— И коробочку с собой прихватил, — неожиданно поддакнул криптозоолог.

— Какую коробочку? — в два голоса спросили мать и сын, и тут же оба покрылись румянцем.

— Таковую... — Брут с невинным видом двумя пальцами обозначил размеры обсуждаемого предмета, — в которую колечко положить можно. Я заметил, когда ваш купец штанину опраправлял, — задралась, видно, от долгого пребывания на одном колене...

Мальчик с обидой посмотрел на мать, вихрем взлетел по лестнице на второй этаж и чем-то там сердито хлопнул.

— Некоторые наблюдения лучше держать при себе, — строго заметила Анфиса Ксаверьевна.

— А некоторые нет, — беззаботно пожал плечами сэр Бенедикт.

Следующее утро Анфисы Ксаверьевны началось рано, да к тому же с непонятного стука, будто кто-то пытался выдолбить нишу в стене флигеля. Домохозяйка подскочила на постели и, как была, в чепце с розовыми бантиками, выглянула в окно.

Внизу, облаченный в полосатое трико, прыгал новый постоялец и с методичностью расшалившегося мальчишки посылал в стену резиновый мячик. Снаряд звонко отпрыгивал, и доктор его ловил.

— Гуд мониторинг¹, Анфиса Ксаверьевна! Надеюсь, мои утренние экзерсисы не слишком вас беспокоят. — Криптозоолог поднял голову и сверкнул канареечно-желтыми стеклами очков. — При моей профессии хорошая форма и реакция — залог долгих лет жизни, причем не только в теории.

С одной стороны, указанные «экзерсисы» вдову, конечно, беспокоили, но с другой — своевременное получение платы за комнаты находилось в прямой зависимости от жизнеспособности арендатора, поэтому Анфиса Ксаверьевна ласково улыбнулась:

— Доброе утро! О, не переживайте, никакого беспокойства! От сильного стука, конечно, может обсыпаться штукатурка, но разве что в вашем кабинете. А его ремонт — это уже не за мой счет. Жду вас через полчаса завтракать!

Домовладелица закрыла окно, и стук тут же прекратился. Сэр Бенедикт принялся размахивать тренировочной шпагой.

— Можно подумать, какой-нибудь из драконов вызовет его на дуэль! — фыркнула себе под нос женщина и в приподнятом настроении принялась за утренний туалет.

— Ноу-ноу-ноу, Глаша, что же это такое? — воскликнул постоялец, едва увидев аппетитный стол, накрытый к завтраку.

— Знамо что. Плюшки, — не спасовала Глафира, — блинчики, клубничное варенье. В прошлом году ой как удалось. Маслице, сметанку я у проверенной хозяйки беру, раз в неделю привозит.

Матвей, уже сидевший за столом, показательно взял одну завитушку, самую воздушную и румяную, с сахарной корочкой.

— О май год!² Это не завтрак для спортсмена, следящего за фигурой! — неожиданно заявил Брут и повернулся к столовой боком, демонстрируя тонкость стана, которой, судя по всему, несказанно гордился.

— Ну не знаю, барин, — усмехнулась Глаша, положив руки на свои пышные бедра, — моей фигуре только на пользу. Уж я троих таких, как вы, ледящих спортсменов в прошлую ярмарку на канате перетянула.

¹ Доброе утро (*англ.*).

² Боже мой! (*англ.*)

Спорить с противником, имеющим столь явное физическое превосходство, доктор не стал, а, усевшись за стол, шикарным движением, будто в модном ресторане Лондона, заказал:

— Я буду жареные яйца, бекон или колбасу, что у вас там есть... Подробнее мою диету мы обсудим позже в присутствии милейшей Анфисы Ксаверьевны.

Горничная пожала плечами и ушла на кухню, а сэр Бенедикт расправил перед собой принесенную газету и принялся за пустой кофе, бросая завистливые взгляды на мальчика, сидевшего напротив с половинкой плюшки в руке. Судя по всему, диета давалась спортивному человеку не так уж легко, во всяком случае не без сожалений.

— Послушайте, зря я вам не нравлюсь. Я забавный, меня зверушки любят, — вдруг совсем просто сказал доктор, но тут же по своему обычаю все испортил. — А поскольку дети не сильно отличаются от зверушек... В любом случае демонстративное поедание плюшек вряд ли заставит меня retirоваться. Пока ваша матушка отошла, вы вполне можете попробовать метнуть в меня вилку, но и это, уверяю вас, не поможет.

Матвей с наслаждением размотал хрустящую корочку, посыпанную сахаром, и, отправив самое вкусное в рот, стал намазывать оставшееся в руке толстым слоем солнечно-золотого масла.

Следующую фразу криптозоолог начал, борясь за каждое слово с массивным приливом слюны:

— Хотите, подскажу еще пару способов? Потому что вы явно жаждете крови, молодой человек, но... несмотря на то что ваша мать готова выскочить замуж за первого встречного, лишь бы вас и дальше учили владеть шпагой, определенно не знаете, как эту кровь из меня добыть.

Нож с маслом замер в руке мальчишки. Доктор разглядывал своего маленького оппонента, победно улыбаясь.

— Бенедикт, там какой-то человек на входе спрашивает, здесь ли принимает криптозоолог! — Звонкий голос Анфисы Ксаверьевны нарушил напряженное молчание за столом.

— Неудивительно! — так же громко откликнулся Брут. — С вашим сочувствием к рюшам, особенно ярко отразившимся на оконных занавесках, я бы тоже засомневался!

В дверях столовой появилась домовладелица, стойко проигнорировавшая последнее замечание.

— Но как он узнал, что вы здесь? Вы же переехали только вчера!

— Печатное слово, Анфиса Ксаверьевна, — величайшее изобретение человечества. — Сэр Бенедикт указал на газету, развернутую перед ним. — Вы же не думаете, что я послал за «Князьгородским вестником», чтобы узнать, где изволил вчера отобедать наш генерал-губернатор? Свои вложения надо проверять... Пригласите посетителя в мой кабинет.

IV

Тут, наверное, самое время сделать некоторое отступление от истории и рассказать о необычной профессии нашего героя. Ведь самоуверенное поведение человека, называющего себя Бенедиктом Брутом, не могло оставить у вас сомнений, кто именно станет главным персонажем этой книги, поэтому неплохо бы узнать подробнее о роде его занятий.

Начнем с того, что находящийся на излете век настолько не изобиловал потрясениями для Великороссии, что заскучавшее дворянство решило изобрести их самолично. Томным салонным дамам и их кавалерам в белых перчатках надоело держать не только поджарых борзых и тонущих в шерсти персидских котов, но и ярких попугаев, шебутных мартышек, крикливых павлинов и даже надменных верблюдов — все, все решительным образом не годилось, не горячило и не будоражило кровь. То ли дело гарпия, мантикора или, на худой конец, завалиющая саламандра... И в этом Бенедикт Брут был с ними согласен как никто другой. Своей глупой тягой к экзотике великоросская аристократия сильно пополняла и без того не худой кошелек специалиста по редким животным.

Вот и сейчас в новом кабинете доктора расположился необычный господин, по всему видно, что не дворянин, но достаточно состоятельный, чтобы приобрести странного вида птицу с кожистыми крыльями и зубастым клювом, сидевшую у него на плече. Оба, и посетитель, и питомец, были черны как ночь: первый — из-за своего строгого костюма, второй — из-за редкого окраса, и невнимательному глазу могли показаться одним фантазмагорическим существом.

Увидев клиента, Брут странным образом вскинул брови и заметно помрачнел. Дело в том, что худой и долговязый госпо-

дин в траурном костюме был почти что копией самого доктора, только состаренной на двадцать лет.

— Доброе утро, — сухо сказал криптозоолог, садясь за стол. — Я вас слушаю.

— Кричит, проклятушая, — без долгих предисловий развел руками человек в черном, и, словно в подтверждение его слов, птица разразилась гневными криками.

— Это баньши, — как слабоумному, объяснил сэр Бенедикт. — Они должны кричать.

— Ну, так она клиентов пугает. У меня похоронное бюро на Песчаной, — сообщил посетитель то, о чем Брут и так догадался.

— Ваших клиентов уже не напугать. Это что, какой-то особый ритуальный юмор — завести себе баньши? — скептически уточнил иностранец, собственный юмор которого был ненамного лучше.

— Да так тоскливо иногда становится среди этих... которые лежат. Ну вот шел я как-то мимо зоомагазина, дай, думаю, зайду животину себе куплю — какая-никакая, а все ж компания. Продавец, когда узнал, чем я занимаюсь, сразу эту вот птичку и присоветовал. И под лавку мою подходит — попугая же не посадишь, и стоила недорого.

— Однако, — протянул доктор, восхищенный то ли иронией, то ли находчивостью продавца. — Самки этих птиц совершенно не переносят скучных серых и черных тонов, инстинкт самосохранения запрещает им селиться слишком кучно. Увидев черного сородича, они начинают предупреждающе кричать, тем самым обозначая, что эта территория уже занята... Конечно, она понимает, что мы не ее вида, но инстинкт на то и инстинкт, чтобы срабатывать непроизвольно.

— Но как же... Я ж в похоронной конторе... Так-то она ничего, цветочки любит, ленточки перебирает, недавно нечто эдакое замысловатое и круглое из них сплела, я прям так на похороны казначея товарищества «Золотая курочка» и послал в качестве венка, уж больно красиво было.

— Гнездо, — мрачно сказал сэр Бенедикт.

— Что?

— Вы послали от имени своего клиента гнездо баньши.

— А-а-а... Странно... получатель не жаловался. Так как быть-то?

Криптозоолог призадумался, а баньши вновь скрипуче заорала, словно предвещая появление грозного силуэта Анфисы

Ксаверьевны в дверях. Руки домовладелицы были уперты в бока — верный знак того, что она только и ждет своей очереди, чтобы подхватить эстафету.

Сэр Бенедикт щелкнул пальцами и, быстрым движением сняв с себя очки с ярко-желтыми стеклами, водрузил их на широкий клюв баньши.

Птица заткнулась, а потом вдруг совершенно противоположенно крякнула и, нисколько не смутившись этого деревенского звука, стала рассматривать доктора и хозяина очень внимательным и будто бы поумневшим взглядом.

— С вас десять рублей за очки и два — за прием. Либо сами идите в магазин оптики. Рекомендую приделать на дужки резинку.

Следующий посетитель криптозоолога оказался не менее колоритен. Хоть никакого чудовища при нем не было, сам он мог дать фору любой экзотической криптиде. Глаша даже слегка оробела, пропуская в переднюю высокого статного старика в богатой, расшитой золотыми шнурами ливрее.

Выправка у Авессалома Сидоровича (так звали вошедшего) была, вне всякого сомнения, военная, а усы с подусниками настолько шикарны, что их владельца можно было производить в генералы не глядя.

Оказалось, что сей статный господин претендовал на место камердинера при криптозоологе, чем удивил всех обитателей дома без исключения. Тем не менее не моргнув глазом он невозмутимо выслушивал ядовитые речи доктора, без запинки называл того «сэр» и раздражающе не терял самообладания в любой ситуации, так что в конце концов Брут сдался.

— Отделяйте животных без ошейника от животных с ошейником. Не сажайте рядом криптид одного вида, — коротко приказал он. — Все понятно?

— Да, сэр, — с достоинством поклонился Авессалом Сидорович так, чтобы всем присутствующим стало ясно, какое это огромное одолжение с его стороны, и генеральским шагом вышел из кабинета.

— Анфиса Ксаверьевна, он мне не нравится, — пожаловался присутствовавшей при разговоре домовладелице Брут.

— Это еще почему?

— Его абсолютно невозможно вывести из себя. Я таким людям не доверяю.

— А каким людям вы доверяете? — резонно спросила хозяйка, справедливо полагая, что на этот вопрос у криптозоолога ответа нет. — Этот хотя бы ложек из столовой не унесет.

И действительно, все было в порядке, пока от нового дворецкого (называть Авессалома Сидоровича камердинером язык не поворачивался даже у сэра Бенедикта) требовалось встречать посетителей, размещать их в гостиной и по очереди провожать в кабинет доктора. Некоторые, увидев в дверном проеме внушающую трепет фигуру, тут же разворачивались восвояси, предполагая, что услуги специалиста, живущего с таким размахом, им не по карману.

Но вот на пороге флигеля в Пекарском переулке появился не менее внушительный господин с не менее внушительными рыжими усищами, кончики которых, впрочем, были слегка опалены и отчетливо пахивали горелым. И понятно отчего. Посетитель, облаченный в мундир серого сукна, с одной стороны сжимал под мышкой медную каску, не оставлявшую сомнений по поводу рода его занятий, а с другой — толстопузую зеленую ящерку с ту самую каску величиной.

— Кто к нам пришел! — как обезумевший завопил сэр Бенедикт, едва увидел на пороге своего кабинета эту необычную парочку.

Рыжеусый гигант даже присел от неожиданности, ибо хорошо помнил, что ранее с криптозоологом не встречался. Если бы имелась возможность спросить его питомца, то и тот отскристал бы от подобного знакомства.

Но Бруту было плевать на условности, перед ним предстал один из самых редких великоросских драконов — горыныч. Скрывать свои эмоции по этому поводу иностранец оказался не в силах.

— Файн, файн синг...¹ — бормотал доктор, обходя ящерку то с одной стороны, то с другой и до розового румянца смущая ее владельца. — Какой откормленный, какой пузатенький!

Горынчик и впрямь был славный: маленький, плотненький, он еще не успел обзавестись не то что третьей головой, но и второй, а оттого напоминал небольшой крылатый шарик.

— Позвольте? — Сэр Бенедикт протянул руки к дракону, и впервые в его тоне прорезались заискивающие нотки.

¹ Милое, милое создание... (англ.)

— Ежели не боитесь, — предупредил клиент и отдал питомца.

Сэр Бенедикт боялся кого угодно, только не своих обожаемых криптид. Он повертел ящерку в руках, почесал ей пузико, измерил длину хвоста, проверил размах крыльев и, кажется, остался вполне удовлетворен. Когда первичный осмотр был практически закончен, горынчик как-то странно закричал, напоминая человеческих младенцев, и вдруг выдал небольшую, но дальнобойную струйку пламени.

Столь любимые Анфисой Ксаверьевной и до сих пор не замененные шторы с рюшечками и витыми шнурами занялись моментально.

— Авессалом Сидорович! — заревел Брут, но его клиент, недаром носивший медную каску пожарного, среагировал быстрее: сорвал полыхнувшую занавесь с карниза и, не испытывая никакого уважения к хозяйскому интерьеру, бросив на пол, тут же затоптал.

В дверь просунулась кудрявая голова домовладелицы, особым чутьем уловившей непорядок в доме.

— Если вы сейчас же не выйдете в сад, я буду кричать! — впрочем, без всякой истерики сообщила Анфиса Ксаверьевна, увидев содеянный беспорядок, и тут же уточнила: — Не хуже чем давешняя баньши!

— Авессалом Сидорович! — во второй раз призвал нового дворецкого Брут, и по всему было видно, что глаза доктора начинает застилать красной пеленой гнева.

Слуга появился через минуту — вошел размеренным шагом, словно спешка по такому ничтожному поводу, как призыв хозяйина, была ниже его достоинства, и вытянулся по струнке у входа, снисходительно ожидая приказаний.

Брут шумно втянул ноздрями воздух и сунул горынчика в руки дворецкому:

— Держите. Несите в сад.

— Может, лучше я? — робко предложил посетитель.

— Не беспокойтесь, это особые обязанности Авессалома Сидоровича. — Сэр Бенедикт моментально перешел от гнева к благодушному тону и даже успокаивающе положил руку bravому пожарному на плечо. — Моя практика обставлена по высшему разряду.

Тот, кто хорошо знал криптозоолога, непременно заподозрил бы, что назревает нечто, могущее поколебать невозмутимость едва нанятого дворецкого.

И точно. Не успел новый слуга со своей чешуйчатой ношей на руках даже миновать гостиную, как горыныч неуверенно кашлянул, затем еще раз... и дыхнул огнем, по несчастливой случайности (случайности ли?) подпалив замечательные усы Авессалома Сидоровича. Уже не такой невозмутимый дворецкий молниеносно плеснул себе в лицо водой из кувшина, по счастью оказавшегося на ближайшем комодe, но лицевая растительность, главная его гордость и достояние, успела серьезно пострадать, а в мокром виде и вовсе превратилась в печальное зрелище.

Сэр Бенедикт, по пятам следовавший за слугой, резким движением схватил дракона за пасть, предотвратив тем самым очередную струю огня, и с выжидательным любопытством посмотрел на дворецкого поверх зеленых стекол очков. Тот достал из одного кармана платок, вытер пострадавшее лицо, при этом не меняя его выражения, из второго кармана извлек узкий конверт, вручил Бруту и с величием морского ледокола проложил себе путь к выходу.

Англичанин хмыкнул, отпустил пасть коварной ящерицы и с удовольствием сжег во вновь заструившемся пламени конверт. Послание можно было не распечатывать: внутри находилось предусмотрительно составленное заранее прошение об увольнении.

— Ну что, рассказывайте, — с полным удовлетворением в голосе сказал Брут, оказавшись в саду с горынычем на руках.

— Вы за занавески, если что, простите, я возьму... — начал было совестливый клиент, смущенно пощипывая кончик рыжего уса.

— Ничего, они мне все равно не нравились, — щедро отмахнулся сэр Бенедикт, но голос все же понизил, дабы сие признание не достигло розовых ушек Анфисы Ксаверьевны.

— Это талисман нашей пожарной части, — кивнул на горыныча посетитель, начиная подбираться к причине визита издалека. — Мы с ним учения проводим...

— Генерал-губернатор презентовал?

— Да, на праздник огнеборцев. А как догадались?

— Ему лет десять назад на юбилей горыныча дарил император. Размножаются они раз в десять лет. Ну так на что жалуетесь? Змееныш у вас вроде как здоровый...

— Дюже здоровый, особенно огонь пускать. Ну, вы видели... И мы это... как бы... того... уже натренировались, мочи нет. Вот вся пожарная часть сбросилась и отрядила меня сюда...

— Понятно. — Сэр Бенедикт достал из кармана жилета бланк, присел на садовую скамейку и, зажав дракона под мышкой, с самым что ни на есть серьезным видом принялся писать рецепт. — Сейчас пойдете на рынок и купите там сахарной свеклы — давать по клубню три раза в день, голову сахара — раз в неделю. Сладких фруктов, изюму, кураги — без ограничений. А что это вы бледнеете? Содержать горыныча накладно, не зря его вам генерал-губернатор подарил.

Уже забрав рецепт и оплатив визит, пожарный вдруг несмело поинтересовался:

— Скажите, доктор, почему он не дает лапу?

— По той же причине, по которой вы не дышите огнем. Природа его для этого не предназначала.

Едва криптозоолог вновь водворился в своем кабинете, вошла горничная.

— Эх, люблю пожарных, — вздохнула Глаша, мечтательно прижав руки к заметно взволнованной груди. — А этот особливо хорош.

— Ну кто там следующий? — нетерпеливо спросил Брут, который, в отличие от девушки, не был падок на пышные усы и форму.

— Барышня сидят с каким-то лямуrom, но идти не хотят. Говорят, вы девицам в кабинет входить не позволяете.

— Не позволяю, — подтвердил криптозоолог задумчиво и, как бы обращаясь к самому себе, пробормотал: — Надо бы повесить табличку.

— Барин, а я-то как же? Разве я не девица? — встала в обиженную позу Глаша.

— А вы, Глафира, здесь ценный работник, вам все можно, — пояснил доктор. — Несите своего «лямура».

К слову, «лямур» являлся лемуrom и никакого отношения к криптидам не имел, но его хозяйке, видимо, сильно хотелось обратного. Поэтому, невзирая на астрономические счета, носила она своего питомца именно к криптозоологу, а не к обычному ветеринару. Сэр Бенедикт не имел ничего против, ибо Висепсион (так звали зверушку) был существом на редкость здоровым, да к тому же незлобивым.

Когда расторопная и польщенная оказанным доверием Глаша унесла «лямура» обратно к хозяйке, в кабинет не вошел, а просочился даже мужчина с легким налетом бездомности на физиономии и артистически намотанным под эту бездомность шарфом. Аксессуар явно вязался на протяжении многих лет из пряжи, что была под рукой в каждый конкретный период, и потому имел историю даже более занимательную, чем его владелец.

В руках посетитель держал плоский прямоугольный сверток, в котором, конечно же, не могла скрываться ни одна из известных сэру Бенедикту криптид. Но опыт общения со странными визитерами у доктора накопился богатый, поэтому он не стал задавать лишних вопросов, ожидая, когда человек сам раскроет тайну своего явления.

— Скажите, доктор, вы выдаете справки? — спросил посетитель после краткого приветствия.

— Смотря кому... — осторожно ответил Брут, бывали у него и такие клиенты, которым их чудовищный питомец только мерещился, для оных случаев требовался другой специалист.

Посетитель картинным жестом снял тряпку со своей ноши и явил взору настороженного криптозоолога холст, на котором была изображена тощая дама, надменно поглаживавшая коротконового упитанного пони с рогом посредине лба. Складывалось впечатление, что непарнокопытное периодически объедало свою хозяйку.

— Мне заказали портрет с единорогом, — торжественно провозгласил визитер.

На слове «единорог» сэр Бенедикт нервно дернул глазом, и по лицу его стала расплзаться нехорошая улыбка.

— Заказчица отказывается платить! — возмущенно продолжал художник. — Говорит, что это не единорог! А я специально в библиотеку ходил и по книгам сверял!

— И что? — Криптозоолог даже знал, по какому конкретно манускрипту было нарисовано животное, а посему вцепился обеими руками в подлокотники кресла, стараясь сдержаться.

— Так вы дайте мне справку, что это единорог!

— Если только справку о том, что это единорог с карликовой болезнью и третьей степенью ожирения... — Сэр Бенедикт задумчиво потер подбородок, а затем вдруг выдвинул ящик стола и извлек оттуда продолговатый листок, сложенный в три раза, на котором были изображены гарцующие скакуны неви-

данных статей. — Справка — два рубля, брошюра с выставки арабских жеребцов — десять копеек.

Посетителю хватило пары секунд на раздумья, после чего он спешно порывлся в карманах, извлек два пятака и, хлопнув их на стол, выхватил у криптозоолога предложенную брошюру.

— Глафира, подайте чаю, будьте так добры! — крикнул сэра Бенедикт, как только художник скрылся за дверью. — Кажется, на сегодня все настоящие животные закончились.

V

К концу дня внимательная Анфиса Ксаверьевна, не без опасения следившая со второго этажа флигеля за потоком клыкастых пациентов, вывела для себя следующую занимательную закономерность: мужчины в Князьгороде заводили драконов, не важно, больших ли, маленьких — лишь бы с чешуей, женщины приводили нечто волосатое и пернатое, причем обязательно украшенное затейливым ошейником. Дворник Сильвестр с неисчерпаемым энтузиазмом (и запасом слюны) одинаково зло плевал вслед и первым, и вторым, никому не выказывая предпочтения.

Но вот закончились посетители сэра Бенедикта и начались посетители Анфисы Ксаверьевны. Когда криптозоолог вышел в гостиную, где Глаша сервировала чай с пышными пирогами, на которые доктор взглянул крайне осуждающе, там в одном из кресел нога на ногу уже сидел невысокий, не особо примечательной внешности человек в сером в полоску костюме, скроенном по последней моде.

— Хлыщев Модест Дионисович, — протянул он руку сэру Бенедикту, вставая, и растянул губы в такой ослепительной улыбке, что иностранец поспешил взять обратно свою мысль о непримечательности. — Не надо, не надо, Анфиса Ксаверьевна мне уже о вас рассказала.

Брут пожал протянутую ладонь и сел в кресло, предварительно собственноручно налив себе чаю, так как домовладелица отлучилась на кухню проверить приготовления к ужину.

Модест Дионисович тоже сел, демонстративно покачал желтым ботинком, зверски зевнул, и его узкая холеная ручка не смогла прикрыть пасть, которой позавидовал бы не только светский лев. Заметив невольное восхищение в глазах ино-

странца, он истолковал его по-своему и вновь жемчужно улыбнулся.

— Извините, сегодня до шести утра не ложился, — сообщил он. — Пойдемте покурим?

— Я не курю, — равнодушно бросил криптозоолог.

— Так и я не курю, — многозначительно, с оттенком легкой угрозы, ответил странный гость и вновь расцвел в великолепной улыбке.

Это сообщение, казалось, заинтересовало иностранца, и он с готовностью поднялся из-за стола, чтобы выйти в сад.

Как только двое мужчин скрылись из поля зрения окон гостиной первого этажа за кустами сирени, улыбка исчезла с лица Модеста Дионисовича бесследно.

— Это моя вдова! — тут же прошипел он, беря непрошеного жильца за нижнюю пуговицу атласного жилета. — Не смейте мешаться у меня под ногами.

Брут посмотрел на него сверху вниз, и теперь уже на его лицо напознала весьма ядовитая усмешка.

— Боюсь, что с моим ростом это физически невозможно.

— Да брось ваньку валять! Говорю тебе, это моя вдова, я ее уже второй месяц пасу!

— Зачем мне валять какого-то Ивана? И какое отношение это имеет к выпасу Анфисы Ксаверьевны, разве она овечка? Энд ай бег ё пардон¹, но на ней не написано, что она ваша.

— Это пока! Пока не написано!

— Ну так идите и напишите. — Сэр Бенедикт указал на дом. Для человека, не понимавшего или делавшего вид, что не понимает русских идиом, предложение было излишне образным.

— Слушай, друг, — белоснежная, словно императорский фарфор, улыбка вернулась на лицо франтика, — одолжишь пятьсот рублей? А я уж честь по чести и предложение руки, и свадебку... А ты тогда занимай этот флигель хоть целиком.

Бенедикт Брут в очередной раз призадумался.

— Ноу-ноу-ноу, итс импосибл², — наконец решил он, а затем неожиданно оттолкнул руку Хлыщева от своей пуговицы и, что еще более удивительно, приобнял ошеломленного Модеста Дионисовича за плечи. — Но вы, мой юркий друг, можете их заработать...

¹ И прошу прощения (англ.).

² Нет-нет-нет, это невозможно (англ.).

СОДЕРЖАНИЕ

Тест первый. КРОЛЕНЬИ БЕГА	5
Тест второй. СОКРОВИЩЕ ФУЦАНЛУНА	76
<i>Криз</i>	136
Тест третий. ХОВАЛА И ДУХИ	172
Тест четвертый. ИГРА СО СФИНГОЙ	237
<i>Тайм</i>	280